

жанию и структуре учебник Е.В.Ахмадулина с полным правом можно отнести к учебникам нового поколения. При этом он полностью отвечает требованиям федерального компонента Государственного образовательного стандарта по специальности «журналистика».

Ю.В. Лучинский,
*докт. филол. наук, профессор,
зав. кафедрой факультета журналистики
Кубанского государственного университета*

УЧЕБНИК «ПОЭЗИЯ» И ДИСКУССИЯ ВОКРУГ НЕГО

Выход книги «Поэзия: учебник» (автор идеи – Н. Азарова; сост. Н. Азарова, К. Корчагин, Д. Кузьмин; авторы – Н. Азарова, К. Корчагин, Д. Кузьмин, В. Плунгян, С. Бочавер, Б. Орехов, Е. Суслова. М., «ОГИ», 2016, 886 с.) стал важным событием года для сообщества литературоведов и литераторов. На книгу откликнулись многие профессиональные знатоки поэзии и литературные критики, специалисты, пишущие о поэзии; разбору учебника были посвящены специальные подборки рецензий в сетевом журнале «Литература» и на сайте «Colta.ru», а ведущий журнал критики и литературоведения «Вопросы литературы» посвятил «Поэзии» специальный выпуск «Экспертной оценки» (в апреле 2016 г.).

Но события вокруг вышедшего учебника бурно развивались и за пределами профессиональных журнальных дискуссий: о нем выходили телепрограммы, отзывались блогеры, проходили его презентации в различных городах. Наконец, в сентябре 2016 г. учебник «Поэзия» стал лауреатом ежегодного национального конкурса «Книга года» в номинации «Учебник XXI века». И теперь, когда острота дискуссии пошла на убыль, а оппоненты и сторонники книги-проекта высказали свои аргументы, важным представляется не столько еще раз описать достоинства и недостатки самого учебника, сколько увидеть те проблемы методологического и методического свойства в поле изучения, описания и преподавания поэзии – классической и современной, в вузе и в школе, – которые учебник «Поэзия» обострил своим появлением.

Дискуссия всколыхнула ряд ключевых вопросов: готовы ли профессионалы, занимающиеся изучением поэзии, друг друга понимать и вырабатывать общий язык описания самого феномена? Каков должен быть уровень и масштаб обобщающего, теоретического разговора о том, что такое поэзия и что делает поэзию поэзией? Каков должен быть жанр книги, претендующей на то, чтобы научить читать и, главное, понимать поэзию? Возможно ли в принципе написать книгу (учебник?), адресатом которой был бы одновременно любитель поэзии и профессионал, изучающий поэзию, и есть ли образцы таких книг в отечественном и мировом литературоведении?

Интрига и неизбежность профессионального скандала вокруг книги были заданы и спровоцированы уже самим жанровым ее обозначением «учебник», демонстративно вынесенным в заглавие. Не только явные оппоненты [Погорелая; Холиков; Шайтанов], но и единомышленники [Житенев; Оборин] авторов «Поэзии» согласны в том, что она никак не может быть признана учебником в традиционном смысле слова. И дело не только в обширном объеме (около 900 страниц) и структуре книги, которая строится по разветвленному тематическому принципу, когда сам объект – поэзия – оказывается расщепленным на огромное количество мелких структурных составляющих и вписан во множе-

ство контекстов (главы «Поэтическая идентичность», «Поэзия внутри мультимедийного целого», «Поэзия в контексте философии и науки», «Поэзия и общество» и пр.). Перед создателями стояла задача по-своему неподъемная и никогда прежде никем в русском литературоведении не осуществленная – соединить под одной обложкой компендиум теоретических сведений о стихе (неразличаемом, впрочем, терминологически с поэзией на страницах книги), о языке поэзии с воссозданием сложной картины вписанности поэзии в социокультурную среду. Реализация столь масштабного замысла еще более усложнена тем, что все разделы «учебника» состоят из двух разножанровых блоков: теоретических справок и хрестоматийных частей под заголовком «Читаем и размышляем», прилагающихся к каждому теоретическому фрагменту.

Сам по себе этот хрестоматийный сегмент книги может быть рассмотрен как важное ее преимущество, поскольку избранные тексты русской поэтической традиции и современности даются не в привычном хронологическом порядке – поэтические явления разных эпох оказываются тематически сплетены. Наполнение учебника «Поэзии» текстами второй половины XX и начала XXI в., корпус которых составляет более половины всей хрестоматийной выборки, – важное подспорье для знакомства с этим новым материалом, для его понимания и изучения. Однако именно хрестоматийная часть книги стала одной из главных мишеней для ее оппонентов. И не только потому, что авторы книги (часть из которых – сами являются стихотворцами) включили свои собственные тексты в ряд хрестоматийных примеров. Критики увидели здесь «картину поэзии с очень ограниченным – именно в современности – вкусовым диапазоном, противостоящим тому, что широко обозначено как “традиционность” и стремление вписать “свой поэтический круг... в круг мировой поэзии”» (имеется в виду, прежде всего, поэтическое сообщество, сгруппировавшееся вокруг поэтического журнала «Воздух») [Шайтанов, с. 9]. Но, если выходить за пределы полемики внутри действующих литературных кругов, хрестоматийная часть книги ставит перед критиками и литературоведами вопрос о том, можно ли вообще сделать корректную выборку современных поэтических текстов, которая устроила бы сторонников разных подходов к тому, что действительно важно и ценно в современной поэзии.

И здесь необходимо вернуться к вопросу о жанре книги. Подобные претензии, разумеется, не имели бы под собой оснований, если бы речь шла о жанре поэтической антологии, которая по определению – всегда «дело вкуса» составителей. Да и за пределами антологий в отечественной литературоведческой традиции есть весьма удачные примеры сочетания хрестоматии с литературоведческим теоретическим комментарием. Речь идет о книгах В. Е. Холшевникова «Мысль, вооруженная рифмами» (Л., 1984) и М. Л. Гаспарова «Русский стих начала XX века в комментариях» (М., 2001). Здесь хрестоматийный материал выступает именно иллюстрацией к мощной теоретической огранке комментария, который при всей ясности изложения и популяризаторской интенции демонстрирует образцовую филологическую культуру, причем теоретическая значимость и самодостаточность комментария перевешивает уровень художественно-иллюстративного материала самой хрестоматии. Но «Поэзия» жанрово определена как учебник, и если хрестоматийный материал современной поэзии спорен во вкусовом плане, но иллюстративен (а именно так он подан в книге), то тем большее внимание должно быть привлечено к ее теоретической части.

Очевидно, что учебник – особый жанр, претендующий на формирование базового уровня школьного или университетского знания, а значит, по справедливому замечанию А. Холикова, направленный на то, чтобы быть основным

источником знаний о предмете. А лучшие из классических учебников не только систематически излагают предмет, но и в большей или меньшей мере обновляют знания о нем. И здесь невозможно не согласиться с критиками, находящими в «Поэзии» важные методологические упущения, теоретические лакуны и неточности. Например, трудно объяснить абсолютное отсутствие в книге, жанрово идентифицирующей себя с учебником, научной библиографии и ссылок на идеи предшественников. Минималистские отсылки к опоязовцам и М. Л. Гаспарову лишь усугубляют ощущение научного вакуума. Наиболее жесткая критика теоретического уровня учебника прозвучала со страниц специального выпуска «Вопросов литературы», авторы которого не признают состоятельности «Поэзии» не только как учебника, но и как филологического высказывания. Нет смысла здесь мелочно перечислять ряд неточностей и терминологических огрехов на страницах «Поэзии». Но нельзя не согласиться с тем, что основной методологический просчет авторов состоит в том, что в книге используется сугубо описательный, а не аналитический подход [Холиков], а также с тем, что, несмотря на обещание «научить читателя читать и понимать стихи» [Поэзия, с. 10], ни один из разделов книги не помогает восприятию поэтического произведения как художественного целого. Это сложное смысловое целое мешает увидеть и структура учебника, организованного как нанизанные друг на друга разнотематические разделы, кивающие друг на друга по типу словаря. Но главное – понимание смысловой сложности поэтического текста невозможно развить без опытов и образцов его аналитики, без показа самих механизмов смыслообразования в нем. Смысл поэтического текста ускользает из учебника, уводя в зону разговора о комплексе формальных признаков поэзии, контекстов ее существования и стиховых структурных элементов. При этом значительная часть собственно литературоведческого инструментария работы с поэзией в целом и лирикой в особенности осталась за бортом учебника, написанного преимущественно лингвистами. Попытка поговорить о смысле поэтического текста в главе 3 «О чем бывает поэзия?» сужается до категории тематики («тематизации»), возвращающей читателя XXI в. к инструментарию вековой давности – из учебника Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» 1920-х гг.

Так обнажается одна из главных теоретических лакун в разговоре о поэтическом целом – авторы книги совершенно разминулись с представлениями современной науки о литературе, о том, что в поэтическом произведении создается особый художественный мир с его образно-мотивным строем и событийностью – сюжетикой, возникающей независимо от того, «нарративная» или «лирическая» перед нами поэзия. Подробно об исчезновении категории образа из разговора о поэзии в учебнике и его последствиях высказалась редакция журнала «Pros dia» [Верните образ]. Следы этого утраченного уровня есть в главе «Пространство и время в поэзии» и главах о субъекте поэтического высказывания, правда, без каких-либо намеков на идеи Б. О. Кормана и С. Н. Бройтмана – учебник, как уже отмечено выше, всячески избегает литературоведческого контекста. Впрочем, осозанный отказ от ссылочного аппарата как своего рода «минус-прием» находит и своих сторонников даже среди известных литературоведов. Так, Вл. Новиков на страницах «Нового мира», приветствуя авторов книги как представителей «нового мейнстрима», литературных «сегодняшних», отмечает: «Авторы учебных и популярных книг имеют право говорить от имени всей науки, не кланяясь на каждом шагу авторитетным предшественникам. Каждая научная работа и сноска – это потеря динамики, утрата контакта с юным адресатом» [Новиков, с. 191]. Вопрос об адресате, его возрасте

и уровне, вопрос «кому и зачем нужна “Поэзия”?», поставленный практически всеми, откликнувшимися на книгу, по сути, самый верный, поскольку осознание истинного адресата может стать в определенной мере ключом к адекватному восприятию и содержания, и стилистики этого своеобразного проекта.

Авторы адресовали книгу ученикам старших классов, студентам первых курсов «гуманитарных факультетов филологических и нефилологических специальностей» [Поэзия, с. 4]. Наверное, «Поэзия» как просветительский проект может быть реально полезна тем, кто не так много знает о ней, или, как написал один блогер, «путает Мандельштама с Раммштайном»: старшеклассникам, начинающим знакомиться с поэзией, людям, по каким-то причинам разминувшимся с университетской аудиторией, не-гуманитариям, «наивному» читателю поэзии – для самообразования. Стилистика книги рассчитана именно на такого читателя, поэтому учебник, по замыслу авторов, «не перегружен ненужными терминами» [Поэзия, с. 12.]. Книгу немало упрекали в том, что теоретические рассуждения в ней часто балансируют на грани трюизмов. Думается, не будет преувеличением сказать, что, ориентируясь на «наивного» читателя, авторы сознательно спрятались *под маску «наивного литературоведения»*, предельно упростив суждения – порой до таких пределов, где простое уже оказывается неточным и неверным. Иначе никак не объяснить высказываний такого рода: «Философской лирикой обычно называют ту лирику, которая не помещается в какие-то другие тематические рамки...» [Поэзия, с. 721]. При этом, видимо, иногда забываясь, авторы вскользь пробрасывают такие термины (нигде не объясненные, в отсутствие ссылок еще более выпуклые), которые «наивный» читатель нигде не мог слышать (например, на с. 405 возникает «квантитативная метрика») – ими владеет только филолог. Но филолог, читавший Жирмунского и Гаспарова, в «простоте» слога, предложенной книгой, не нуждается. Надо признать: к сожалению, на «Поэзию» нельзя опереться как на «учебник» при подготовке студентов-филологов. Погружение не в только поэзию, но в *поэтику* студент-филолог младших курсов должен начать именно там, где авторы учебника остановились. И это поднимает важную проблему, поставленную появлением «Поэзии» перед литературоведами. У нас есть хорошие научные хрестоматии аналитики поэтического текста; есть не претендующие на систематичность учебника книги по истории поэзии и поэтике лирических жанров; есть богатый стиховедческий арсенал книг. Но после выхода «Поэзии» и во многом благодаря ее появлению у филологов-литературоведов появилась потребность осмыслить саму возможность создания университетского учебника – в том числе и *для филологов*, дающего систематическое знание *о поэзии в целом*. Такого учебника, который не только объединит усилия стиховедов и исследователей лирики, будет способен развить способность именно понимания поэзии в опыте аналитической работы с ней (здесь, конечно, нельзя не учесть опыт пособия Д.М. Магомедовой «Филологический анализ лирического стихотворения» (М., 2004)), но и рассматривающий поэзию как сложный культурный феномен.

Литература

Верните образ: о последнем рубеже в разговоре о поэзии (от редакции) // *Prosōdia*, 2016. № 5. С. 5–8.

Новиков Вл. С позиций нового мейнстрима (Поэзия: учебник) // Новый мир. 2016. № 5. С. 191–194.

Оборин Л. Похвала учебнику // Colta, 16 марта 2016. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/10409>.

Погорелая Е. Педагогическая трагедия // Вопросы литературы. Специальный выпуск № 2: Экспертная оценка, апрель, 2016. С. 34–40.

«Поэзия»: мнения. Поэты, филологи и критики о поэтическом учебнике // Colta, 16 марта 2016. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/10410>.

Поэзия: учебник / автор идеи Н. Азарова, сост. Н. Азарова, К. Корчагин, Д. Кузьмин. М.: «ОГИ», 2016. 886 с.

Поэзия: учебник или манифест? // *Literratura*, 3 марта 2016. URL: <http://litteratura.org/publicism/1631-poeziya-uchebnik-ili-manifest.html/>

Холиков А. зачем и кому нужна «Поэзия»? // Вопросы литературы. Специальный выпуск № 2: Экспертная оценка, апрель, 2016. С. 13–20.

Шайтанов И. «Учебник нового поколения?» // Вопросы литературы. Специальный выпуск № 2: Экспертная оценка, апрель, 2016. С. 3–12.

О. С. Мирошниченко,
канд. филол. наук, доцент кафедры теории
и истории мировой литературы
ИФЖ и МКК ЮФУ